

ПУТИ ИСКУССТВА

СИМВОЛИЗМ
И ЕВРОПЕЙСКАЯ
КУЛЬТУРА
XX ВЕКА

PATHS IN ART

SYMBOLISM
AND EUROPEAN
CULTURE
IN THE 20TH CENTURY

ПУТИ СИМВОЛИЗМ
И ЕВРОПЕЙСКАЯ
КУЛЬТУРА
XX ВЕКА
ИСКУССТВА

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ИЕРУСАЛИМ, 2003

Водолей Publishers

Москва

2008

А. Б. Шишкин

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО З. Н. ГИППИУС К Д. В. ИВАНОВУ

«Живая, задорная, кокетливая», – такой запомнилась Лидии Ивановой Зинаида Гиппиус, гостя ивановского дома в Риме, на Тарпейской скале летом 1936 и 1937 г.¹ Этой характеристике стилистически соответствует житейская хроника римских встреч с Вяч. Ивановым, которую мы находим в письмах поэтессы к Злобину, хронике порой иронической или колкой, но в целом благожелательной:

«Мне в Риме было веселее... один Вячеслав Ив<анов> на Тарпейской скале чего стоил!» (16 мая 1936); «Здесь оказавшийся Семенов пришел вчера и навел тоску, такую же старость, как и в *Возрождении*. Потом он же оказался у Иванова, и Вячеслав тоже навел на меня тоску. Между прочим, глупо и вяло ругать не ругал, а подсиживал Георгия Иванова» (6 июня 1936); «Вяч. Иванов по-прежнему приятен и по-прежнему статичен» (3 ноября 1936). Еще одно письмо Гиппиус раскрывает как ее собственное, так и ивановское пристрастие к книгам детективного жанра: «Вячеслав Ив<анович>, оказывается, тоже их обожает: взял жадно у нас отработанных. Он сделался сиднем, едва влез в наш парк до амфитеатра; говорит только о стихах и даже Папой точно перестал интересоваться» (11 сентября 1937)².

Впечатления о римских встречах с поэтом творчески претворились в эссе Гиппиус «Поэт и Тарпейская скала» (1938). Поясняет фразу «говорит только о стихах», как и критику поэзии Георгия Иванова, в цитированных фрагментах следующее свидетельство в эссе 1938 г.: «Мы привезли в тарпейское уединенье несколько томиков современных парижских поэтов. Утонченнейший их разбор, давший повод к длинным разговорам о стихах, о стихосложении вообще, – как это было похоже на В. И. тридцать лет назад!»³

У нас есть сведения еще об одном примечательном разговоре о литературе между З. Гиппиус и Вяч. Ивановым. Его проблематику они больше не развивали по причинам, о которых можно только гадать.

Дело в том, что сын поэта, Димитрий Вячеславович Иванов (1912–2003) уже с самого детства пробовал себя в качестве поэта и прозаика.

Стихотворения писались им на русском и французском языке⁴, проза – на немецком и французском. Этот эпизод был по существу исключен им из повествования о своей творческой биографии⁵. Сам Д. В. Иванов об этом никак не рассказывал, и остается неизвестным, продолжал ли он эти творческие попытки. Приступая сейчас к разборке его архива, я надеюсь, что в нем найдутся следы его раннего литературного творчества.

В 1930-е гг. Вяч. Иванов, менее всего готовый комплиментарно оценивать творчество людей к нему близких, с самого начала признавал рассказы Д. В. Иванова «замечательными» и «мастерскими» (письмо к Д. В. Иванову 28 декабря 1932 г.). «Твоя сказочка, которую бы я озаглавил как-нибудь в роде “Also sprach ER”», написана с такою силой и уверенностью, какие под стать только большим писателям», – писал он ему же 12 июля 1933 г.⁶ (Этот рассказ на немецком языке был опубликован в Швейцарии в 1937 г. под заглавием «Also rief ER»⁷.)

«Он формируется в писателя», – уже уверенно писал 22 июля 1933 г. поэт о Д. В. Иванове своей дочери Лидии. Всё это большое и важное письмо было посвящено размышлениям о будущем литературного дарования Д. В. Иванова, о том, в какой стране он сможет сделаться писателем: в Швейцарии, в Италии или во Франции. В письме от 17 августа 1933 г. поэт советовал сыну зайти в Цюрихе к Герберту Штайнеру и, «если время позволит, прочесть ему рассказы и стихи для критики и советов». В том же письме он указывал сыну на необходимость обзавестись литературными знакомствами в Париже.

Предоставляя сыну свободу выбора в приобретении гражданства между Францией, Швейцарией и Италией, Вяч. Иванов необыкновенно настойчиво ориентировал Д. В. Иванова в научном, культурном и прежде всего литературном аспекте исключительно на Францию. Практически для последнего это означало, между прочим, отказ от русского языка как *писательского*. (Разговорный и письменный язык внутри семьи всегда оставался русским.) В какой-то мере такая позиция совпадала с позицией Вяч. Иванова в отношении собственного творчества: в 1930-е гг., начав печататься в «Современных Записках», он всё больше писал новые произведения по-немецки, по-французски и по-итальянски. Свое самое значительное и еще незавершенное произведение «Повесть о Светомире» поэт стал переводить на немецкий, чтобы издать в швейцарском журнале Г. Штайнера «Согопа». При этом Вяч. Иванову были чужды драматические переживания, связанные с «уходом» в литературном творчестве от родного языка, о которых, к примеру, так ярко писал В. Набоков, хотя при этом, в отличие от Набокова, в полном смысле двуязычным писателем он всё же не стал. В конечном счете, проблема состояла в выборе не языка, а литературной культуры и читательской аудитории.

Какая-то из граней этой достаточно драматической проблемы стала предметом разговора между Вяч. Ивановым и Зинаидой Гиппиус весной или в начале лета 1936 г. Зинаиде Гиппиус был передан рассказ Д. В. Иванова на французском языке «Frèges», который появился в февральских номерах выходящей в Провансе газеты⁸, – как видно, с просьбой о профессиональном суждении. Как можно полагать, эта просьба была связана с разногласиями относительно рассказа среди соредкторов выходящего в Экс-ан-Провансе еженедельника «Midi le juste», для которого рассказ был написан.

Свое письмо к Д. В. Иванову Гиппиус начинает с отзыва о самом рассказе, а затем поднимает вопрос о переходе с одного языка на другой и – шире – из одной лингвистической и литературной культуры в иную. Из того же письма мы узнаем, что позиция Гиппиус была оспорена Вяч. Ивановым и что дружеский, но идеологически разномысленный, «из двух углов» диалог-спор завел двух поэтов достаточно далеко, до случая апостола Павла, который, будучи иудеем, проповедовал по-гречески и по-латински (поворот разговора «от искусства к религии» – это также очень похоже на ивановскую Башню в Петербурге тридцать лет назад).

Отметим, что краткое письмо Гиппиус написано очень литературно; полутона (которыми, по Гиппиус, не обладает французская проза) и легкая ирония позволяют поэтессе непринужденно и просто высказать очень многое. Письмо З. Н. Гиппиус к Д. В. Иванову осталось единичным, дальнейшего обмена письмами не последовало, хотя впоследствии Д. В. Иванов неоднократно встречался с Гиппиус во Франции. Вяч. Иванов оставил для себя копию этого письма, переписав его полностью своей рукой – свидетельство его острого интереса к замечательному письму, в большом контексте которого ставится вопрос о пределах и лингвистических границах европейских литератур, о единстве литературы русской и одновременно о ее неизбежных утратах.

Оригинал З. Гиппиус и копия рукой Вяч. Иванова хранятся в Римском архиве В. И. Иванова, оп. 3, № 50 бис; орфография и пунктуация автора сохранена.

19 Июня 36
Рим

Милый Дима (простите, что, для краткости, так вас называю, письмо тоже будет кратко). Ваши «Братья» – интересная вещь, и написана очень интересно. Если чуть-чуть слишком тонко, то не мне ставить это в упрек, я

вечно перетанчиваю. Говорю, конечно, о форме внутренней (и внутренней ее художественности)<, > так как о внешней судить так, как о русской, не могу, не зная «тайны» французского языка.

А что касается сути рассказа (или темы), то она столь же интересна, сколь и страшна. У меня есть старый рассказ, который так и называется «Двое – один»⁹. Только взято у меня уже, исключительно в плане пола: брат и сестра как бы дополняют друг друга, оба составляют одно, и друг без друга не существуют, как цельность. И это уже довольно страшно, а при вашем расширении и «страхе» (или что-то вроде) расширяется. Это «вроде страха» рождается от взгляда на «frères», которых вы рисуете; чем больше в них веришь, тем больше хочется, чтобы *так не было*. При всем внутреннем богатстве каждого, в каждом – ущерб, и совсем не утешает, что этот *его* ущерб дополняется другим, рядом стоящим, человеком. Ведь тут вопрос глубже, чем вопрос о способностях, которых нет у одного друга, но зато есть у другого; тут вопрос о единстве *личности*; вот и хочется, чтобы, какая ни на есть, личность была *одна*.

Всё это не критика вашего рассказа, а просто размышления «по поводу»; и для рассказа – плюс, что он такие размышления может возбуждать.

С Вяч<славом> Ивановичем мы говорили больше не об этом, о другом. О том, что мне, в какой-то мере, жалко было, что вы, при русской *mentalité* (а я ее чувствую) принуждены писать по французски, на языке остром, но слишком точном, за которым нет, как будто, возможности передать особенную, трепетную туманность; *свой* русский шарм. Это мое замечание нас завело далеко; и в таких далях, где уже разговор не о литературе, – об ап. Павле¹⁰ и т. д. – я, конечно, с Вяч. Ив. соглашаюсь... Он, если захочет, сам напишет Вам об этом споре; я-же, здесь, замечу только, что апостолов Павлов, даже *en herbe*, пока не вижу и предпочитаю скромно говорить о литературе, даже и по поводу Вашего рассказа. И продолжаю жалеть, что русскую литературу вы любите и знаете меньше, чем французскую.

Есть ли у вас другой рассказ? Если есть, или будет, пришлите мне его, хорошо?

А Францию, не думайте, я нежно люблю. И теперь особенно, когда не могу в нее вернуться. Нужды нет, что в тайны языка не могу проникнуть: есть и другие тайны... Это, ведь, родина м<аленькой> Терезы¹¹ и Жанны Д'Арк.

Мне прислали целую кучу моих стихов по французски. Когда вы миритесь с вашими соредакторами, я попрошу Вяч<еслава> Ив<ановича> выбрать для вас, что вы хотите. Сама я их «не понимаю», смотрю, как на чужие.

Часто мы оба, я и ДС., вас вспоминаем. Как вы правы, что живете во Франции. Какая грусть, если нам придется перебраться в Италию!

Сердечно Ваша

З. Гиппиус.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Л. В. Иванова. Воспоминания. Книга об отце. Paris: Atheneum, 1990. С. 241.
- ² Цитаты из писем к В. А. Злобину по изд.: Т. Pachmuss. *Intellect and Ideas in Action (Selected Correspondence of Zinaida Hippus)*. München, 1972. Pp. 270–271, 284, 305, 306; Д. Мережковский. *Маленькая Тереза*. Ann Arbor: Hermitage, 1984. С. 128, 162. Ср. также письмо Злобина к З. Н. и Д. С. Мережковским от 4 июня 1936 // *Revue des études slaves* 71: 26. P. 476; Итальянский дневник Зинаиды Гиппиус. Публ. А. И. Серкова // *Новое литературное обозрение*, 27 (1997). С. 239, 244.
- ³ Цит. по изд.: Л. В. Иванова. Воспоминания. С. 372
- ⁴ В римском архиве хранится рукописная тетрадь «Димины стихи декабрь 1928 года»; сонеты на французском языке – в дневнике 1938 г. Замечательно, что один стихотворный опыт Д. В. Иванова был опубликован в СССР – это продолжение пушкинского «Близ мест, где царствует Венеция златая» // В. А. Мануйлов. *Литературные игры. Пособие для клубных, литературных и драматических кружков <...>* Л. 1938; В. А. Мануйлов был учеником Вяч. Иванова в Баку и приятельствовал с его сыном.
- ⁵ D'Ivanov à Neuvécelle. *Entretiens avec Jean Neuvécelle recueillis par R. Aubert et U. Gfeller Montricher* 1996. P. 129 etc.
- ⁶ Письма В. И. Иванова к сыну и дочери. Публ. А. Кондюриной, в печати. Далее цитируются в тексте.
- ⁷ Also rief ER von Dimitri Iwanow (der Stiftsschule Engelberg zu Eigen) // *Schweizerische Rundschau. Monatsschrift für Geistesleben und Kultur*, 1937.
- ⁸ Midi le Juste. *Gazette bimensuelle de la jeunesse universitaire de Provence*. Directeur Ch. Giboin. *Rédacteur littéraire* D. Ivanov. Aix-en-Provence 1936 n. 2–4. Рассказ подписан именем Salvence, это анаграмма имени Venceslav.
- ⁹ Рассказ входил в сб. «Черное по Белому». Пятая книга рассказов. СПб., 1908.
- ¹⁰ Апостол Павел, исконно не просто иудей, а «фарисей и сын фарисея» (Деян. 23:16), не отрекаясь от иудаизма, вышел за пределы своего закрытого этноса, проповедовал по-гречески по всей Римской империи и заслужил прозвание «отца язычников».
- ¹¹ Речь идет о католической святой, монахине-кармелитке, одной из трех женщин, удостоенной титула Учитель церкви, Saint Thérèse de Lisieux (1873 – 1897) или Sainte Thérèse de l'Enfant Jésus et de la Sainte Face, широко известной также под именем La petite Thérèse.